

Мэри Демот

ВЕНОК
ИЗ МАРГАРИТОК

1

ТЕХАССКАЯ ТРИЛОГИЯ

Дефайанс, Техас

Тридцать лет промчались, словно вагончик на американских горках. Ровно столько прошло с тех пор, как Дейзи* Мэри Чанс пленила четырнадцатилетнего Джеда Пеппера, и все это время он не переставал о ней думать. Тридцать лет назад он вошел в полуразрушенную церковь у Извилистого ручья, и порхающая бабочка-данаида** принесла предсказание, которому он до сих пор с трудом верил. Мелодичный голос Дейзи наделил бабочку пленительным очарованием, и слова девочки внушили ему еще не испытанное чувство — любовь. Джек много лет сокрушался о том, что у него не было под рукой фотоаппарата, чтобы поймать миг, когда он полюбил Дейзи, — ведь наш мир так несовершенен и так быстро меняется.

Он с легкостью читал по этому лицу. Даже тогда. В тот день в 1977 году она посмотрела ему в глаза

* Дейзи, от англ. daisy — маргаритка. — *Примеч. ред.*

** Бабочка-данаида — бабочка, обитающая в Северной Америке и совершающая дальние перелеты. Отметины, имеющиеся на обеих сторонах крыльев этой бабочки, очень красивы, но птицам следует быть осторожными: и сама данаида, и ее гусеница чрезвычайно ядовиты. — *Примеч. ред.*

и объявила: «У тебя ненормальная семья, Джед». Он уже научился лгать и потому сразу подумал: «Ничего подобного, вполне нормальная. Любой так скажет». Дейзи — обычная тринадцатилетняя девчонка, она много болтает, и ее слова ничего не значат.

Спустя тридцать лет он думал по-другому. Ее слова были правдой, они эхом отзывались в пустом поле, где некогда скрипела на ветру старая церковь.

Джед на одно томительное мгновение погрузился в воспоминания детства и снова стал четырнадцатилетним, до краев наполненным тестостероном подростком. Черно-оранжевая бабочка и слова Дейзи — такие болезненно правдивые! — раздражали его.

— У тебя ненормальная семья, Джед.

Он наблюдал за тем, как бабочка порхает над органом, но не садится на него, возможно, она не любит церковную музыку. А может, ей не нравится пыль.

Бабочка опустилась на ветхую скамью.

— Джед! — Он заткнул уши руками, чтобы заглушить слова Дейзи, и стал напевать церковный гимн. Дейзи посмотрела ему в глаза, чуть ли не прижавшись к нему носом. Он почувствовал ее дыхание. От нее пахло конфетами. — Ты меня слышишь?

Он замахал рукой, чтобы она оставила его в покое:

— Да! Только отстань от меня. — Джед посмотрел на часы. Четверть седьмого. Пора идти.

— Твое лицо... — Дейзи отодвинулась.

Джед притронулся к опухшему глазу:

— Да? Что с ним?

— Больно, наверное. — Дейзи придвинулась ближе, протянула руку. Он отпрянул. — Скажи честно, Джед, кто тебе такой синяк поставил?

Он не сводил глаз с бабочки:

— Никто. Глупо вышло. Налетел на угол.

Прошло тридцать секунд. Часы тикали, словно подгоняя его.

— Так не бывает, Джед.

— Бывает. Я гонялся за Сисси по дому. Она сказала, это несправедливо — наши силы не равны, потому что я старше, и завязала мне глаза платком. Как в жмурках. — Неплохо соврал, прямо как Хэп, отец-священник, с церковной кафедры. Шесть часов шестнадцать минут. Пора домой.

Дейзи покачала головой. Ее длинная белая коса раскачивалась, словно «тарзанка» над рекой. Она не хотела носить челку, но мисс Эмори, ее мать, хоть и знала об этом, несколько недель назад все-таки обрезала ей волосы над глазами, оставив неровные концы.

Дейзи все еще кипятилась при мысли об этом, но протест выразался лишь в двух желтых заколках с маргаритками, которыми она убирала рваную челку, чтобы та не сползала ей на лоб.

— Ты же знаешь, я тебя люблю, — неожиданно сказала Дейзи.

Его бросило в жар.

— Я тебя умоляю! Здесь не место говорить об этом.

— Почему? Мы же в церкви! Где, как не здесь, говорить о любви? Кстати, ты помнишь, как называется улица, на которой я живу?

Джед вздохнул и покачал головой:

— Улица Любви.

— Вот именно.

— И что с того?

— Ты не понимаешь? Это судьба.

Дейзи отвернулась от Джеда и потянула косу в рот. Она закусила кончик и заскрежетала зубами, — она всегда так делала, когда сердилась.

Бабочка-данаида кружила перед Дейзи, будто хотела развеселить ее воздушным танцем, затем опустилась между ними на скамью и сложила крылышки, как руки в молитве.

Дейзи наклонилась над ней. Бабочка не шелохнулась.

— Это неспроста, — прошептала девочка.

— С чего ты взяла? Она устала, вот и все, и случайно сюда села. — Джед показал пальцем на неподвижную бабочку.

Бабочка нерешительно слетела с пыльной скамьи и села на грязный палец Джеда. Солнце просвечивало сквозь тонкие, как папиросная бумага, крылышки. Казалось, бабочка внимательно его разглядывает. Наконец она взмахнула крыльями и улетела, выпорхнув в одно из грязных окон без стекол.

Они сидели на скамье и слушали томное воркование голубей.

Джед взглянул на часы. Почти двадцать минут.

— Это знак! Джед Пеппер, ты изменишь наш мир. Ты избранный.

— Как ты мне надоела... — Джед поднялся.

— А вот и нет!

— А вот и да! — Джед провел рукой в воздухе, как будто стирал слова Дейзи.

Он прошел назад по центральному проходу старой церкви, как нераскаявшийся грешник. Дейзи не умолкала. С одной стороны, ему хотелось навсегда от нее избавиться, с другой — слушать вечно. Лучше болтовня Дейзи, чем напряженная тишина в родном доме.

— Эй, Джед!

— Что еще?

— Береги себя.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты зануда?

— Мама. Она каждый день это твердит. Тебя тоже в этот список добавить?

Когда Дейзи говорила о мисс Эмори, ее голос звучал глухо; в нем слышалась тоска по тому чувству, которое мать не хотела или не могла дать ей.

Джед ответил не сразу. Мать Дейзи обычно отмахивалась от девочки, словно от надоедливой мошки. Дейзи не заслуживала такого отношения.

— Ладно, не важно. Забудь, что я сказал.

— Забывать я умею. — Дейзи улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ:

— Ну, мне пора.

Если побежать через поле, он успеет вовремя.

Дейзи шагнула в проход:

— Однажды я выйду за тебя замуж. Вот увидишь. — Джед покачал головой, закатив глаза. Ох уж эти девчонки! — Я надену длинное белое платье, а ты — шикарный костюм. Мы будем разводить птиц. Я их обожаю.

В окно влетел голубь. Он растерянно полетал по церкви, а потом неистово забил крыльями и вылетел обратно. Сразу стало тихо. Очень тихо.

— Это Бог, — зачарованно прошептала Дейзи. Джед отвел глаза. Она постучала по его плечу:

— А когда мы поженимся, у нас родится шестеро детей. Девочки. Знаешь, как мы их назовем? — Дейзи игриво смотрела на него.

— Откуда мне знать?

— Петунья, Роза, Примула, Бегония, Георгина и Лютик.

Джед прислонился к спинке сиденья, глядя на дверь в поисках спасения:

— Не семья, а цветник. — Он знал, что ему пора идти, но неугомонная Дейзи словно околдовала его.

— Очень смешно.

— Мне пора домой.

Джед развернулся и открыл дверь. Он забрался в церковь через боковое окно, но выйдет как все нормальные люди. Так будет легче избавиться от болтливой Дейзи. Еще секунда — и она начнет распространяться о духах, гладкой детской коже или загадочной бабочке. Ясное дело, что он не изменит мир. Во всяком случае, не сегодня. Разве что в будущем — если повезет.

Дейзи поспешила за ним:

— Ты оставишь меня здесь одну? Я пришла сюда из города!

— Мы каждый день здесь встречаемся. Ничего с тобой не случится. Сколько раз ты ходила отсюда домой? Тысячу? Две тысячи?

— До дома далеко.

— Господи, Дейзи, это же Дефайанс, штат Техас. Чего бояться? К тому же у тебя *глаз Бога*. Он тебя защитит.

Она молча отвела взгляд. Бежали секунды.

Дейзи вздохнула:

— Ты будешь жалеть об этом.

Западное солнце проникало внутрь через пустые окна церкви. Оно осветило левую щеку девочки. Дейзи была похожа на ангела, — если только ангелы заплетают косу и щебечут без умолку.

— Увидимся, — бросил он через плечо.

Джед закрыл дверь. Дейзи предпочитала выбираться из церкви, словно ее кто-то преследовал. С тех пор как прочитала книгу о девочке Анне, которая скрывалась от нацистов, она все время краслась и пряталась.

В это мгновение он задумался о мире, в котором живет. При мысли о том, что в нем творится, сердце наполнилось яростью. Сможет ли он что-нибудь изменить? Как знать...

Джед бегом припустил по полю. Он не оглядывался, но произнесенные нараспев слова Дейзи звучали в такт его шагам. Приблизившись к краю поля, он замедлил бег. Из церкви его теперь не видно. Джед тяжело дышал. Он запыхался. Часы отсчитывали минуты опоздания. Уже стемнело. Вдали слышались крики Сисси.

Ему не давали покоя два голоса. Мольбы Дейзи и призывы сестры. Сдавшись на зов Сисси, он обогнул лес, промчался за домом Этри Ри и только-только собирался перелезть через забор, как сестра выбежала из-за сарая.

Джед отпрянул:

– Ты меня напугала!

Она приложила к губам тонкий пальчик.

– Он злится, – прошептала девочка. Глаза расширились, зрачки – словно стеклянные шарики, а личико бледное, как недопеченный хлеб.

Джед оглянулся. Он все еще слышал голос Дейзи.

– Я сказал Дейзи, чтобы она сама добиралась домой. Надо проверить, как она там. Я пойду. – Он повернул назад.

Сисси вцепилась в него:

– Нет, Джед. Останься. Пожалуйста, останься.

Идеальная «с»! Трудная буква для тех, кто шепелявит, а Сисси шепелявила. Все так говорили. А он никогда этого не слышал. В школе ее дразнили, но Джед отдубасил парочку мальчишек, и насмешки прекратились.

– Слушай, Сисси, я уже и так опоздал. Все равно мне крышка. Я хочу убедиться, что она добралась домой в целости и сохранности. – Джед взглянул на сестренку. Она гневно и испуганно смотрела на него, словно хотела сказать: «Ты не посмеешь бросить меня одну!» – Не бойся, Сисси. Ничего со мной не случится. Ты мне веришь?

Слезинка скатилась по бледной щеке, словно лизнула ее.

– Как же я без тебя? – Она посмотрела на калитку.

Джед сглотнул. На лице Сисси было написано все, что она думает. Он прогнал тревожные мысли и погладил девочку по голове:

– Я скоро вернусь, обещаю. Соври, что ты меня не видела.

– Стой! – Она повернулась к сараю, открыла дверь, поискала что-то внутри и вернулась с фонариком. – Вот, чтобы ты не ушибся.

Вечерний воздух разрезал громкий крик – отец звал их ужинать. Эх, будь что будет! Сисси

не сводила с него умоляющих глаз, но Джед отвел взгляд:

— Еще не поздно. Я мигом.

Взглянув на сарай, Джед ринулся напрямик в гигантский розовый куст соседки Этри Ри. Колючка расцарапала щеку. Он вытер кровь тыльной стороной руки и лизнул ее. Он где-то прочитал, что воины пили кровь из своих ран и набирались сил. Видит Бог, силы ему понадобятся.

Джед увидел проплешины в тех местах, где соседка подстригала кусты. Мама не выращивала цветы; она срезала их в чужих садах. Больше всего ей нравились заросли в саду у Этри Ри.

До места их встреч с Дейзи вели две дороги: одна шла по открытому полю на юге от старой церкви, а вторая вдоль лесного Извилистого ручья, который пересыхал под солнечными лучами. Джед выбрал ручей: по гладкому сухому руслу бежать легче, чем по усеянному рытвинами полю.

На самом деле существовало два Дефайанса: современный город, возведенный в пятидесятых годах к западу от Лесной улицы, и сгоревший дотла Старый город. Дом Джеда, построенный после пожара, находился на границе между ними: к востоку от Лесной, на проселочной дороге, идущей с востока на запад, под названием улица Красильщиков. Не сгорела только церковь у Извилистого

ручья. Прихожане верили, что чудесное спасение от огня — дело рук Божьих, но вскоре, когда в городе возвели новую кирпичную церковь с острым шпилем, забыли об этом.

Джед и Дейзи с увлечением искали реликвии старого Дефайанса. Копаясь в руинах, они находили ржавые инструменты, старые детали, пилки для ногтей, обгоревшие, но не сломанные игрушки. Самые ценные находки они прятали в лесных тайниках между двумя мирами: Старым и Новым городом, воссоздавая свой Дефайанс из останков сгоревшего. Дейзи называла себя и Джеда городскими археологами. Но даже бесстрашная Дейзи опасалась вести раскопки на юге от Нового города, в лесу, который она называла Зачарованным. Джед втайне радовался этому, потому что густые заросли наводили на него страх.

Дейзи часто посылала его на «охоту за сокровищами» без карты и письменных описаний. Вместо этого она раскладывала по дороге разные безделушки, благодаря чему он добирался до нужного места. Однажды она через каждые десять футов посыпала дорогу сухими хлопьями. Они вели к одному из тайников — сложенному из бревен столу для пикника. Там Дейзи ждала его с двумя баночками взбитых сливок, двумя ложечками, вроде тех, что выдают к мороженому в школе, банкой

теплого молока и коробкой хлопьев, уже наполовину пустой.

– Неплохо, Джед Пеппер, – сказала она. – Но почему ты так долго добирался? Молоко прокисло!

Иногда Джед и сам не понимал, почему они столько времени копаются в останках прошлого. Но это было так весело, что он забывал обо всех неприятностях. Дейзи тоже. Играть «в домик» с обожженными вещами было проще, чем жить в настоящем доме, который никогда не лизали языки пламени.

Джед посмотрел на часы. Они с Дейзи расстались больше часа назад. Наверняка она уже дома, уплетает жареную курицу и персиковый пирог. Зря он беспокоится.

Мальчик выбрался из леса и пошел по полю. Наконец перед ним предстала высокая старая церковь. Что-то было не так, хотя он не мог понять, что именно. Тишина пугала, но Джед отмахнулся от дурного предчувствия (мужчины ничего не боятся). Он поднялся по ступеням и вошел в открытую дверь. Вечернее солнце отбрасывало длинные неровные тени, похожие на небоскребы.

– Дейзи! Ты здесь? – Голос эхом отразился от стен. Рядом кружила вялая муха. Жужжание нарушало зловещую тишину. На улице каркнула ворона, словно пожелала спокойной ночи. Джед вытер

пот со лба и вскрикнул, нечаянно задев больной глаз. — Дейзи!

Он собрался уходить, но вдруг обо что-то споткнулся.

Это была грязная теннисная туфля с белым шнурком и сбитым носком. Туфля Дейзи. Джед поискал взглядом вторую, но не нашел.

— Дейзи! Хватит меня разыгрывать! Зачем ты бросила туфлю? — голос звучал слабо и испуганно. Джед сглотнул и посмотрел на выход.

Дверь была похожа на открытый в крике рот.

Джед подбежал к ней. Что это значит? Ведь он только что вошел в эту дверь! Дейзи никогда не пользовалась ею; она говорила, что двери — для людей без воображения.

— Дейзи! Это не смешно! Ты нарочно меня пугаешь?

Джед осмотрел дверь. Он взял в руки засов, надеясь, что это поможет ему вспомнить. Да, точно: он отошел от Дейзи и открыл дверь изнутри. Потом закрыл. Дейзи продолжала щебетать. Он помнил стук двери о косяк и привязанную к ручке бечевку.

Джед вскрикнул. Он, словно на кинопленке, увидел, как берет свисающую бечевку и завязывает ее. Он запер Дейзи в церкви у Извилистого ручья. Дверь могла открыться в одном случае: если кто-то развязал веревку снаружи.